

Научная статья

УДК 81`246.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17102>

EDN: <https://elibrary/PDXDTF>

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

С.В. Краснощекова¹ , Е.В. Галкина²

¹ Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования эвиденциальных стратегий в русскоязычных медиатекстах, созданных в условиях русско-кыргызского двуязычия, и их соотношению с аналогичными стратегиями в российских новостных текстах, порожденных в монолингвальной среде. Актуальность исследования определяется интересом современной лингвистики к изучению эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов и двуязычия. Цель исследования состоит в выявлении на основе сопоставительного анализа сходств и различий в использовании основных эвиденциальных стратегий в текстах кыргызстанских СМИ, публикуемых на русском языке, и в русскоязычных текстах, порожденных в российской монолингвальной среде. Исследовательский вопрос состоит в том, проявляются ли в русскоязычном новостном дискурсе Кыргызстана эффекты интерференции кыргызского языка и какие именно различия в использовании эвиденциальных стратегий фиксируются между кыргызстанскими и российскими медиатекстами. Материалом исследования послужили две выборки: 1050 текстов из трех кыргызстанских и 1050 текстов из трех российских новостных Телеграм-каналов. Методология включала отбор и разметку контекстов, классификацию средств выражения эвиденциальности, количественный, качественный и сопоставительный анализ. Установлено, что в обеих выборках присутствуют все три основных типа эвиденциальности, а их частотное распределение в целом совпадает, что свидетельствует об отсутствии интерференционного влияния эвиденциальности в кыргызском языке на русскоязычные тексты, порожденные в двуязычных условиях. Вместе с тем тексты кыргызстанских каналов характеризуются большей распространенностью репортативной пересказывательности с обезличенными источниками, имплицитной маркировкой авторства в сообщениях с прямой эвиденциальностью, а также широким использованием эпистемических маркеров, выражающих отношение говорящего к сообщаемому. Дополнительно фиксируются такие особенности, как снижение речевого регистра, отклонения от русского речевого стандарта и элементы смешения кодов. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга жанров медиаречи и углубленным анализом прагматических функций эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов.

Ключевые слова: эвиденциальность, эвиденциальные стратегии, источник информации, двуязычие, интерференция, русско-кыргызский билингвизм, тексты СМИ.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разных языков)»

Для цитирования: Краснощекова С.В., Галкина Е.В. Эвиденциальные стратегии в текстах русскоязычных СМИ Республики Кыргызстан // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102

EVIDENTIAL STRATEGIES IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA TEXTS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

S.V. Krasnoshchekova¹ , E.V. Galkina²

¹ The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation;

² Pavlov Institute of Physiology Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

✉ krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Abstract. The article addresses the problem of evidential strategies in Russian-language media texts produced under conditions of Russian-Kyrgyz bilingualism and their correlation with analogous strategies in Russian news texts created in a monolingual environment. The relevance of the study is determined by the growing interest of modern linguistics in the study of evidential strategies under conditions of language contacts and bilingualism. The aim of the study is to identify, through comparative analysis, the similarities and differences in the use of the main evidential strategies in Russian-language texts of Kyrgyzstani media and in Russian-language texts produced in the monolingual environment of Russia. The research question is whether the effects of Kyrgyz language interference manifest in Russian-language news discourse in Kyrgyzstan and what specific differences in the use of evidential strategies can be observed between Kyrgyzstani and Russian media texts. The material of the study consists of two datasets: 1,050 texts from three Kyrgyzstani Telegram news channels and 1,050 texts from three Russian Telegram news channels. The methodology included the selection and annotation of contexts, the classification of evidential markers, and a combination of quantitative, qualitative, and comparative analyses. The findings demonstrate that all three major types of evidentiality are present in both datasets, and their frequency distribution generally coincides, which indicates that the absence of interference influence from evidentiality in the Kyrgyz language on Russian-language texts produced in a bilingual environment. At the same time, Kyrgyzstani news texts are characterized by a higher frequency of reportative evidentiality with impersonal sources, implicit authorial marking in statements with direct evidentiality, and a wide use of epistemic markers expressing the speaker's attitude towards the reported information. Additional features include lowering of register, deviations from Russian language standards, and elements of code-mixing. Future research perspectives involve expanding the range of media speech genres and conducting a more detailed study of the pragmatic functions of evidential strategies in contexts of language contact.

Keywords: evidentiality, evidential strategies, information source, bilingualism, interference, Russian-Kyrgyz bilingualism, media texts.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00938 “Evidential strategies in the light of corpus and experimental data (based on the material of multi-structured languages)”.

Citation: Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V., Evidential Strategies in Russian-language Media Texts of the Kyrgyz Republic, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102

Введение. Постановка проблемы

Эвиденциальность — языковая категория, выражающая «указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им информации»¹. Категория объединяет разнородные явления, принадлежащие к областям как грамматики, так и лексики. К эвиденциальным значениям, соответственно, относятся те, которые так или иначе отражают то, откуда получена информация о ситуации, находящей выражение в высказывании, а также какую роль играл

¹ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.

при этом говорящий: наблюдал ситуацию своими глазами или воспринимал ее посредством других органов чувств, сделал вывод об уже произошедшей ситуации на основании видимого результата или абстрактных умозаключений, получил сведения от третьих лиц. В связи с данной семантической разнородностью принято говорить о нескольких типах эвиденциальности либо группах эвиденциальных значений.

В лингвистической литературе ([1, с. 63; 2; 3] и др.) выделяются следующие основные типы эвиденциальности: (1) прямая эвиденциальность, (2) инференциальность и (3) пересказываемость (терминология дается по Н.А. Козинцевой [3]). Каждый из типов также делится на подтипы. Рассмотрим типы эвиденциальности подробнее. Классификация подтипов приводится в соответствии с русскоязычной типологической традицией [2], опирающейся на книгу А. Айхенвальд [1].

В случае *прямой эвиденциальности* сообщаемая информация получена автором на основе непосредственного восприятия при помощи органов чувств. В составе прямой эвиденциальности различают **визуальный** (информация получена говорящим при помощи зрения) и **сенсорный** (информация получена при помощи других органов чувств) способы получения информации. Различение отдельных сенсорных путей восприятия информации (аудиального, обонятельного, осязательного) для многих языков мира оказывается непринципиальным в типологическом плане и не находит отдельного выражения в средствах выражения. Для передачи прямой эвиденциальности существуют языковые маркеры, указывающие на то, что ситуация воспринимается непосредственно автором, совпадает с моментом речи (либо предшествует ему), а информация о ней, подаваемая от первого лица, является подлинной и не требует подтверждения при помощи вторичных маркеров достоверности или авторитетности [4]: *я видел, как...*; *я своими глазами видел...* и др. Кроме того, прямая эвиденциальность часто является немаркированным членом оппозиции и не имеет специального языкового выражения: *Ой, свет горит* (говорящий наблюдает ситуацию непосредственно); *Вчера пришло человек двадцать* (говорящий был участником ситуации).

Инференциальность подразумевает, что информация получена говорящим при помощи логического вывода. В рамках инференциальности выделяются два подтипа: **инферентив** (вывод сделан на основании видимого или иначе воспринимаемого результата: *вижу, тут уже убрали* – говорящий наблюдает только результаты уборки, но не был свидетелем самого процесса) и **презумптив** (вывод сделан на основе фоновых знаний или абстрактных умозаключений). Инференциальность обычно имеет эксплицитное выражение [5, с. 601]: маркеры *значит, в этом случае, итак*.

Пересказываемость имеет место в ситуации, когда информация получена от третьих лиц. В рамках данного типа выделяются такие подтипы, как **квотатив** (ссылка на третьих лиц с упоминанием источника информации) и **репортатив** (ссылка на третьих лиц без упоминания источника информации). Пересказываемость всегда имеет эксплицитное выражение. Маркеры квотативной пересказываемости прямо или косвенно указывают на источники информации разной степени авторитетности – конкретных лиц, организации, государственные службы, СМИ и т. п.: *по сообщению [источника]*, *по словам [официального лица]*, *как сообщил / как сообщается...* и др. Маркеры репортативной пересказываемости свидетельствуют о неопределенном, размытом, абстрактном, обезличенном характере источника информации (ссылки на социальные группы, общественное мнение, традиции) [6, 7]: *по слухам, рассказывают, говорят* и т. п.

Кроме того, эвиденциальные значения классифицируются в зависимости от присутствия автора в описываемой ситуации: противопоставление прямого и непрямого доступа (была ли ситуация физически доступна говорящему); личного и неличного опыта (опирается говорящий на собственные наблюдения или на данные третьих лиц). Таким образом, прямая

эвиденциальность совмещает прямой и личный доступ к событиям, инференциальность подразумевает личный, но непрямой контакт с ситуацией, пересказывательность же включает не прямое и не личное знание [8, с. 350].

В большинстве языков мира эвиденциальность так или иначе связана с эпистемической модальностью и трактуется рядом исследователей как модусная категория, «которая, помимо источника сведений, включает интерпретацию и коммуникативную оценку информации говорящим» [9], а эвиденциальные формы определяются в традиционных грамматиках как наклонения («пересказывательное наклонение» в болгарском [10, 11]). На пересечении эвиденциальности и эпистемической модальности находятся также категория адмиративности и так называемое «миративное наклонение», выражающее удивление говорящего по поводу наблюдаемой ситуации [1]. В языках без грамматикализованной эвиденциальности выделяются такие группы маркеров, как «выражения мнения», «уверенности в знании» или «сомнения» [9]. Одни и те же средства могут использоваться для выражения как эвиденциальных, так и эпистемических значений, а эпистемическая составляющая выступает неотъемлемой частью сообщения: «Категория эвиденциальности зачастую отражает отношение говорящего к сообщаемому факту, его эпистемическую установку — полную ассимилированность сообщаемого факта в его сознании... либо дистанцированность, что ведет к большему или меньшему „накладыванию“ эвиденциальных и модальных значений» [7, с. 223].

Эвиденциальность как категория в целом и эвиденциальные стратегии в частности широко изучаются в настоящее время. Исследования ведутся в таких основных направлениях, как типология эвиденциальных систем и классификация эвиденциальных граммем в типологически разных языках [2, 12–14], способы выражения эвиденциальности в языках без соответствующей грамматической категории [15, 16], взаимодействие эвиденциальности и других языковых категорий [17, 18], освоение маркеров эвиденциальности детьми и взрослыми [19, 20], а также функционирование эвиденциальных единиц в различных типах дискурса. Одним из перспективных направлений является изучение эвиденциальных стратегий в текстах СМИ [21, 22].

Основным типом эвиденциальности в текстах СМИ является пересказывательность [23]. Что касается двух других типов, то как прямая эвиденциальность, так и инференциальность (во взаимодействии с эпистемической модальностью) используются при подаче новости «от первого лица» [24]. В последние годы вырос интерес к области пересечения категорий эвиденциальности и авторитетности в свете проблемы управления общественным мнением в СМИ. Показано, что выбор особых средств указания на авторство значимых лиц в сочетании с маркерами доверия или недоверия к источнику может оказывать влияние на степень компетентности данного источника в субъективном восприятии адресата [6]. Использование эмоционально окрашенных слов и выражений повышает достоверность излагаемого сообщения, открывая возможности для вуалирования фейковых новостей и управления мнением аудитории [25–27]. Сочетая средства выражения эвиденциальности и эпистемической модальности, автор дает свою характеристику ситуации с точки зрения достоверности [28], высказывает положительную или отрицательную оценку события, включая эмоциональные, оценочные и метафорические единицы, с помощью чего формируется соответствующее мнение читателей [29, 30]. С авторизацией пересекается референтное выражение субъекта, с деавторизацией — нереферентное его выражение [22].

Предметом настоящего исследования является функционирование категории эвиденциальности в текстах СМИ, порождаемых на русском языке в условиях билингвального русско-кыргызского окружения. *Цель исследования* заключается в том, чтобы на основе сопоставительного анализа выявить сходства и различия в использовании основных эвиденциальных стратегий в текстах кыргызстанских СМИ, публикуемых на русском языке, и в русскоязычных текстах, порожденных в российской монолингвальной среде. *Исследовательский вопрос* состоит в том,

какие конкретные различия в использовании эвиденциальных стратегий существуют между текстами кыргызстанских и российских новостей.

Русский и кыргызский языки имеют системно-типологические различия в выборе языковых средств для выражения эвиденциальных значений. Русский язык относится к языкам без грамматикализованной эвиденциальности. Источник информации не маркируется грамматическими средствами, а соответствующие значения выражаются с помощью различных лексических единиц (пересказывательность: *по словам X, по заявлению X, говорят, мол, дескать, якобы*; инференциальность: *значит, я вижу*), интонации, а также других грамматических категорий [31–33]. Прямой доступ к информации обычно не имеет эксплицитного выражения. Для обозначения значения прямой эвиденциальности в русском языке обычно используются глагольные формы настоящего и прошедшего времени, при этом вторичные маркеры (авторитетности, достоверности), как правило, отсутствуют. Значение «я видел это сам», выраженное лексически, может снижать достоверность информации [4, 31].

В кыргызском языке способы указания на источник информации грамматикализованы. Традиционная грамматика кыргызского языка описывает систему выражения эвиденциальности при помощи временных форм глагола. Формы «определенного» прошедшего времени используются, когда говорящий наблюдал ситуацию своими глазами и уверен в этой информации: *досум унааны жууду* «мой друг помыл машину» (я в этом уверен, я это видел). Граммема прямой эвиденциальности обычно выражает наиболее высокую степень ответственности автора за достоверность сообщения. Формы «неопределенного» прошедшего описывают ситуацию, когда информация получена от третьего лица и говорящий не полностью уверен в ее достоверности: *досум унааны жууптур* «говорят, мой друг помыл машину». Информация, полученная от неназванных третьих лиц, маркируется «неопределенным» прошедшим; информация, полученная из эксплицитно называемого источника, – «определенным» прошедшим [34, с. 292]. В текстах новостей со ссылкой на официальный источник обычно употребляется «определенное» прошедшее, т.е. та же форма, что и для выражения прямой эвиденциальности. По оценке носителей языка, формы «неопределенного» прошедшего носят разговорный характер и неприемлемы в новостях.

Таким образом, в новостном дискурсе на кыргызском языке обычно применяются грамматические средства прямой эвиденциальности в сочетании с лексическими средствами для выражения пересказывательности. В русском языке используются только лексические средства при невозможности выразить эвиденциальное значение грамматически. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что наличие грамматикализованной эвиденциальности в системе кыргызского языка приводит к различиям в использовании эвиденциальных стратегий при порождении русскоязычного текста носителями кыргызского и русского языков.

Материал и методы

В качестве материала были использованы тексты новостных заметок, извлеченные из тематических Телеграм-каналов, посвященных актуальным новостям региона. Общий объем данных составляет 2100 публикаций, случайным образом выбранных из шести новостных каналов.

Первую выборку («кыргызстанские новости», КГН, $n = 1050$) составили новости на русском языке, созданные в двуязычных условиях. Анализировались три новостных канала Республики Кыргызстан. В двух представлены новости страны: «Sputnik Кыргызстан» (SK, https://t.me/sputnik_kyrgyzstan, $n = 350$), «Сейчас. КГ» (СКГ, https://t.me/seychas_kgs, $n = 350$), в третьем – новости одного региона, г. Бишкек: «Бишкек сегодня. Новости» (БС <https://t.me/bishnews>, $n = 350$). Несмотря на то, что сведения о билингвальном статусе и уровне владения русским и кыргызским языками авторов новостей недоступны, в целом возможно констатировать, что новости функционируют в условиях двуязычия. В Кыргызстане зафиксировано несколько

сложившихся моделей русско-кыргызского билингвизма (пропорциональный, сбалансированный, диспропорциональный с превалированием русского либо кыргызского языка), однако в большинстве территорий языковая ситуация обычно характеризуется как диспропорциональный билингвизм [35, 36]. Двужычие в стране закреплено законодательно: кыргызский имеет статус государственного, а русский – «официального» языка². Большинство двуязычных носителей пользуется обоими языками, которые распределены по разным функциональным сферам. При этом русский, который является языком высшего образования, межнационального общения и одним из языков СМИ, освоен в Кыргызстане в целом на более низком уровне относительно русского речевого стандарта. Отличия, исследованные на материале письменных текстов двуязычных носителей языка, проявляются как на лексическом и грамматическом уровнях, так и в области письменной нормы [35].

Вторую выборку составили русскоязычные новости, опубликованные в России («российские новости», РСН, $n = 1050$), в регионах, где русский язык является родным для большинства носителей. Для нивелирования различий между выборками при сопоставлении были подобраны три новостных канала, в двух из которых представлены новости страны: «РИА Новости» (РИА, https://t.me/rian_ru, $n = 350$), «РБК Новости. Главное» (РБК, https://t.me/rbc_news, $n = 350$), а в последнем – новости одного региона, г. Санкт-Петербург: «Фонтанка SPB Online» (ФН, <https://t.me/fontankaspb>, $n = 350$).

Обработка материала включала количественный и качественный анализ. В ходе интерпретации материала учитывались следующие параметры: тип эвиденциальности (прямая, инференциальность, пересказывательность) и особенности его выражения; присутствие эпистемических маркеров (отношения говорящего, достоверности/убедительности), а также случаи отклонения от русского речевого стандарта (неверный выбор слова, неверный выбор грамматической формы, окказионализмы, переключение кодов). При анализе пересказывательности подробное внимание уделялось определенности и авторитетности источника информации. Фиксировались такие моменты, как: (а) ссылки на организации (с указанием конкретных данных и названия; без указания названия); (б) ссылки на известных людей, должностных лиц (с указанием должности, имени и статуса; только с указанием имени; только с указанием должности); (в) ссылки на малоизвестных людей (с указанием имени, должности, принадлежности к определенной области, социальной группе или событию; без указания имени; без указания принадлежности); (г) ссылки на законы и документы (уточненные или неуточненные документы); (д) ссылки на журналы, газеты, СМИ (общеизвестные, местного значения; с указанием названия, без названия); (е) ссылки на интернет-ресурсы (с указанием названия или неуточненные); (ж) отсылки к общеизвестному знанию или традициям; (з) вторичное указание на лицо при помощи личного местоимения; (и) ссылки на неконкретный обобщенный источник. В случае прямой эвиденциальности отмечались наличие и способ маркирования собственного авторства: (а) авторство, подтвержденное видеоматериалами; (б) авторство, указанное с помощью лексических маркеров; (в) отсутствие указания на авторство. В ходе интерпретации данных тип эвиденциальности приписывался на основе формальных признаков, а именно: если источник информации не был маркирован в тексте, констатировалось, что имеет место прямая эвиденциальность (даже если из контекста предполагалось, что сведения о ситуации могли быть получены от третьего лица). Также при анализе материала обращалось внимание на случаи несовпадения выражаемого значения и выбранных для этого языковых средств.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа материала были получены следующие результаты.

² Конституционный закон Кыргызской республики от 17 июля 2023 года № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики» // Кыргызская Республика. Министерство юстиции. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru> (дата обращения: 03.07.2025).

1. В каждой исследованной нами выборке («кыргызстанские новости», «российские новости») обнаружены все основные типы эвиденциальности: прямая эвиденциальность, инференциальность и пересказывательность. Количественные данные по двум группам (КГН и РСН) приведены в табл. 1 и 2. Указывается процентное соотношение различных типов в отдельном новостном канале, а также по группе в целом.

Таблица 1. Типы эвиденциальности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 1. Types of evidentiality in Kyrgyzstan news

Название СМИ	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Прямая эвиденциальность				
Число примеров (процент)	72 (21%)	87 (25%)	84 (24%)	243 (23%)
Инференциальность				
Число примеров (процент)	67 (19%)	13 (4%)	64 (18%)	144 (14%)
Пересказывательность				
Число примеров (процент)	211 (60%)	250 (71%)	202 (58%)	663 (63%)
Число контекстов (процент)	350 (100%)	350 (100%)	350 (100%)	1050 (100%)

Таблица 2. Типы эвиденциальности в текстах российских СМИ
Table 2. Types of evidentiality in Russian news

Название СМИ	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Прямая эвиденциальность				
Число примеров (процент)	63 (18%)	90 (26%)	123 (35%)	276 (26%)
Инференциальность				
Число примеров (процент)	30 (9%)	24 (7%)	77 (22%)	131 (13%)
Пересказывательность				
Число примеров (процент)	257 (73%)	236 (67%)	150 (43%)	643 (61%)
Число контекстов (процент)	350 (100%)	350 (100%)	350 (100%)	1050 (100%)

Таким образом, в обеих группах превалирует пересказывательность (КГН 63%, РСН 61%). На втором месте находится прямая эвиденциальность (КГН 23%, РСН 26%), на третьем – инференциальность (КГН 14%, РСН 13%). Частотное соотношение различных типов эвиденциальности в исследуемых группах можно считать сходным. Таким образом, мы не обнаруживаем в текстах СМИ очевидных различий между КГН и РСН.

Наряду с этим, внутри каждой группы наблюдаются различия в употреблении эвиденциальности разных типов в зависимости от конкретного новостного канала. Так, канал «Sputnik Кыргызстан» демонстрирует наименьшую частотность инференциальности (4%) и наибольшую долю пересказывательности (71%). Это говорит о том, что новости подаются в официальном тоне, лишенном рассуждений автора; тогда как в двух других каналах КГН инференциальность встречается значительно чаще (СКГ 19%, БС 18%), что свидетельствует об их менее официальной направленности.

В РСН выделяются существенные отличия локального канала ФН от более официальных РИА и РБК. В канале ФН отмечены наибольшая доля прямой эвиденциальности (35%) и наименьший процент пересказывательности (43%). Частотность инференциальности (22%) соответствует доле данного типа (СКГ 19%, БС 18%) в двух каналах КГН. Анализ результатов показывает, что СМИ с новостями города выбирают инференциальность в большем числе случаев

(ФН 22%), чем каналы с новостями страны (РСНК 7%, РИА 9%). Своеобразное избегание маркеров пересказываемости в пользу подачи новостей без прямой ссылки на источник также может свидетельствовать о менее официальной направленности канала.

2. В проанализированном материале в каждой из групп наблюдаются следующие три подтипа прямой эвиденциальности.

2.1. Сообщение о факте подается от первого лица и сопровождается видео, т.е. отмечается особый вариант визуального способа получения информации: «говорящий наблюдает ситуацию, отражаемую на видео»: *В Бишкеке наградили победительниц конкурса «Женщина, меняющая мир»³* (СК); *Сергей Галицкий поднимает чемпионский кубок! Его клуб победил в национальном первенстве* (РБК); *У них возникла словесная перепалка в ночь на 14 мая. Затем случилось то, что на видео выше* (СКГ).

2.2. Сообщение о факте подается от первого лица, причем говорящий эксплицитно маркирует либо имплицитно позиционирует себя как наблюдателя или «хозяина информации» (также может сопровождаться видео): *Чуть не забыл с 20 мая для движения транспорта закроют участок улицы Льва Толстого* (СК); *А еще из наблюдений – аурус сенат российского производства. Не хейтим, но неожиданно* (БС).

2.3. Сообщение о факте не имеет эвиденциальных маркеров, несмотря на то, что передаваемая информация, очевидно, получена от стороннего источника либо имеет официальный характер. Указанные варианты отмечаются в обеих группах, однако демонстрируют разную частотность. Распределение подтипов прямой эвиденциальности в новостях приводится в табл. 3 и 4 (указано процентное соотношение примеров каждого вида в отдельном канале и по группе в целом).

Таблица 3. Типы прямой эвиденциальности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 3. Types of direct evidentiality in Kyrgyzstan news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Подтверждение видеоматериалами	7 (10%)	31 (36%)	12 (14%)	50 (21%)
Маркировка авторства	20 (27%)	8 (9%)	25 (30%)	53 (22%)
Без маркировки авторства	45 (63%)	48 (55%)	47 (56%)	140 (58%)
Всего	72 (100%)	87 (100%)	84 (100%)	243 (100%)

Таблица 4. Типы прямой эвиденциальности в текстах российских СМИ
Table 4. Types of direct evidentiality in Russian news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Подтверждение видеоматериалами	5 (8%)	7 (8%)	30 (24%)	42 (15%)
Маркировка авторства	6 (10%)	19 (21%)	40 (33%)	65 (24%)
Без маркировки авторства	52 (82%)	64 (71%)	53 (43%)	169 (61%)
Всего	63 (100%)	90 (100%)	123 (100%)	276 (100%)

Как видно из подсчетов, наиболее частотным (КГН 58%, РСН 61%) подтипом в обеих группах выступает вариант, где отсутствует какое-либо указание на источник информации. Излагаемые факты не основываются на опыте или наблюдении говорящего, однако материал подается как достоверный, при этом отсутствуют эпистемические маркеры сомнения или оценки, что

³ Все примеры приводятся в орфографии и пунктуации первоисточника.

позволяет новостному каналу позиционировать себя в качестве надежного источника информации, повышая свою авторитетность в глазах аудитории. Передача новостей официального характера без ссылки на авторитетный источник можно назвать типичной эвиденциальной стратегией в обеих исследованных нами группах текстов СМИ. Так, в ходе анализа примеров, обнаружено (табл. 3, 4) множество подобных сообщений о различных происшествиях или значимых событиях в городе: *В Бишкеке на складе произошел пожар. Общая площадь возгорания на улице Лермонтова составила 500 квадратных метров* (БС); *в салоне самолета Санкт-Петербург – Ереван отвалилась панель обшивки, а под ней в нарды играют* (ФН), а также о событиях общественного, экономического и политического характера в стране: *Тем временем, некоторые фермеры – уже перекопали поля со свеклой и вместо нее посеяли кукурузу, а пшеничка – засыхает из-за отсутствия дождей* (СКГ); *Сегодня в столице Кыргызстана пройдет заседание Совета ПА ОДКБ* (СК); *Обществознание исключат из школьной программы до 9 класса* (РИА).

Сообщения, сопровождаемые видео, составляют 21% среди случаев прямой эвиденциальности в КГН, при этом наблюдается расхождение между новостными каналами: СК (35%) чаще других подтверждает факты видеоматериалом (БС 14%, СКГ 10%). Указание на авторство при помощи специальных маркеров более характерно для каналов БС (27%) и СКГ (30%), чем для СК (9%). В РСН подтверждение факта видеоматериалами в целом чуть менее частотно (15%), чем указание собственного авторства (24%). Сравнивая отдельные каналы, можно отметить, что РИА и РБК используют прямую эвиденциальность с указанием на авторство (10% и 21%) чаще, чем видеоматериалы (8% и 8%), тогда как ФН часто подкрепляет новости видео (24%) и указанием на собственное авторство (33%), демонстрируя тем самым наименьший (43%) процент «недостовверных» сообщений, по сравнению с остальными каналами (РИА 82%, РБК 71%).

Различия между исследованными группами наблюдаются также в стратегии маркировки авторства. В КГН авторство может маркироваться: при помощи перехода к сниженному регистру⁴: *В Бишкеке женщина предложила взятку в 10 тыс милиционеру и сразу же в кабинет нагрянула группа для задержания* (БС); путем обращения к адресату: *Если вам вдруг было интересно: по состоянию на 28 апреля 2025 года легализацию прошли 2 852 автомобиля на иностранных номерах* (СКГ); путем апелляции к наблюдению: *На одном из электробусов можно увидеть логотип Азиатского банка развития, который ранее выделил более \$50 млн на покупку 120 электробусов и установку зарядных устройств в троллейбусных депо* (БС). В РСН для этого используется референция к собственному СМИ в первом либо в третьем лице множественного числа: *Рассказываем, какие музеи в Петербурге изменят режим работы из-за «Алых парусов»: сохраните, чтобы не потерять* (ФН); *Соответствующее обращение Миронов направил Мишустину (документ есть у РИА Новости)* (РИА); *О том, как меняется «рыбная полка» и что рыбопромышленники и торговые сети делают для продвижения минтая и крабов массовому потребителю – в материале РБК* (РБК).

3. При анализе инференциальности было обнаружено, что в КГН преобладают случаи, когда автор делает вывод о ситуации на основе наблюдаемого (известного, изложенного в контексте новости) результата. *Парень жив, но кажется, серьезно пострадал. Его увозит «скорая»* (БС); *Посещать Кыргызстан станет дороже: Минцифры предлагает повысить госпошлины* (СКГ) (заключение на основе изложенной информации). Кроме этого, высказывания инференциальной направленности содержали эпистемические маркеры отношения говорящего и убедительности сообщения: *После громкой взбучки от Садыра Жапарова в Республиканском диагностическом центре внезапно нашлись УЗИ, инструменты, лекарства и даже кондиционеры – чудеса, не иначе* (СКГ); *В Бишкеке над водителями в прямом смысле нависла угроза быть оштрафованными. Патрульная милиция начала запускать дроны для фиксации нарушений ПДД* (БС). Для РСН, напротив, оказалось характерным сочетание инференциальности и пересказывательности, при

⁴ Проявляется в использовании средств разговорного стиля и выборе жаргонных языковых единиц при подаче новости.

котором: (а) вывод делается на основе информации, полученной от упомянутого источника: *Гонконг в апреле нарастил импорт золота из России в 28 раз в годовом выражении, следует из анализа РИА Новости данных гонконгской статслужбы* (РИА); (б) факт подается как вывод третьего лица о ситуации: *Причиной партия назвала «недопустимое поведение и неоднократные действия, противоречащие ценностям партии»* (РИА).

Таким образом, можно заключить, что выборка КГН отличается эпистемически нагруженной инференциальностью, в то время как для РСН более характерна инференциальность в сочетании с пересказывательностью.

4. При анализе высказываний с пересказывательностью в обеих выборках КГН и РСН зафиксированы примеры квотативного и репортативного подтипов.

К первому, **квотативному**, подтипу, мы относили высказывания, содержащие четкое указание на авторство, а именно:

4.1. Ссылки **на организации** с указанием **конкретного названия**, территориальной принадлежности и т. п.:

КГН: *Кыргызгидромет предупреждает, что штормовое еще не закончилось и основной пик ухудшения погоды после жары придется на завтра – 19 мая* (СКГ); *ГУВД Чуйской области сообщает о весьма нестандартной попытке сделать предложение руки и сердца* (БС); *Администрация президента Кыргызстана опубликовала фотографии с военного парада на Красной площади* (СК);

РСН: *Как сообщили «Фонтанке» в автобусном парке «Домтрансавто», обслуживающем маршрут № 147, возгорание началось в моторном отсеке*. (ФН); *Роскосмос показал со спутника, как выглядит накрывший Москву циклон* (РБК); *Ограничения на прием и выпуск воздушных судов в аэропорту Калуги сняты, сообщили в Росавиации* (РИА).

4.2. Ссылки **на известных людей и должностных лиц** с указанием имени и должности; только имени либо только должности, а также случаи вторичной референции к ним при помощи личных местоимений:

КГН: *Депутат Балбак Тулобаев назвал саботажем проект поправок в конституционный закон о госязыке* (СК); *Володин отметил высокий уровень политического диалога между Бишкеком и Москвой* (СКГ); *Парламентарий задался вопросом, как теперь избираться этническим русским и немцам в парламент. Он выразил недовольство в ходе обсуждения поправок в ряд законов, касающихся госязыка*. (СКГ);

РСН: *Территория ЛНР освобождена на 100%, заявил глава республики Леонид Пасечник* (ФН); *Александр Беглов утвердил место для выходов с «Театральной»* (ФН); *Он отмечал, что в области могут наблюдаться проблемы со связью* (ФН); *При атаке пострадали три человека, двоих из них госпитализировали, сказал Миляев. Мэр Москвы Сергей Собянин сообщил, что московские медики оказывают помощь пострадавшим* (РБК); *Лукашенко заявил, что надо вырастить столько картофеля, чтобы хватило и Белоруссии, и России* (РИА); *Глава Минобрнауки Фальков рассказал о новом подходе распределения бюджетных мест в вузах* (РИА).

4.3. Ссылки на малоизвестных людей с указанием имени и должности либо принадлежности (к описываемой ситуации, профессии, территории, социальной группе и т. п.). Были зафиксированы только в РСН: *«Он же колючий, этот ёж. Грязный-грязный был: там торфяники», – рассказал местный житель Александр* (ФН); *О происшествии нам рассказала Анастасия, возвращавшаяся вечером на автомобиле Nissan компании «Делимобиль» из Зеленогорска* (ФН); *По мнению литературоведа Сергея Чуприна, Никитин с его серией романов «Трое из Леса» является одним из основателей этого жанра* (РБК); *Тело писателя-фантаста Юрия Никитина, скончавшегося в пятницу, будет заморожено для возможного оживления в будущем, сообщила его вдова Лилия* (РИА).

4.4. Точные ссылки на законы и другие документы:

КГН: *Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» прямо запрещает вмешательство религиозных организаций и их представителей в деятельность органов госвласти и*

местного самоуправления (СКГ); *Возбуждено уголовное дело по статье «Угроза или насилие в отношении представителя власти»* (БС); *В Конституции говорится, что основа государства – это народ* (СК);

РСН: *Полиция усматривает в произошедшем хулиганство (213 УК РФ)* (ФН); *Активистов признали виновными в нарушении правил пикетирования (ч. 5 ст. 20.2 КоАП)* (РБК); *Группировка войск «Юг» освободила Романовку в ДНР, говорится в сводке Минобороны России* (РИА).

4.5. Ссылки на широко известные СМИ и печатные издания, а также на СМИ локального значения, с указанием названия:

КГН: *Новость тут хорошая: в эфире «Биринчи радио»* (СКГ); *В Бишкеке проходит военный парад. Прямой эфир можно найти на КТРК* (БС); *Израиль готовится к ударам по ядерным объектам Ирана, утверждает CNN* (СК);

РСН: *Rolling Stone: Издание обратило внимание на концерт музыканта в феврале, где он упал на спину в конце шоу* (РИА); *Süddeutsche Zeitung (Германия), Pais: Нападение с ножом в Гамбурге стало вторым за неделю в стране* (РИА); *Перед началом переговоров обе стороны сформулировали требования о прекращении боевых действий, которые пока плохо согласуются друг с другом* (РБК); *В пресс-службе Пулково «Фонтанке» сообщили, что аэропорты не обязаны предоставлять бесплатные места для курения* (ФН); *На фото Федор Успенский, источник РАН* (РБК).

4.6. Точные ссылки на электронные ресурсы и справочные службы (последние отмечены только в КГН):

КГН: *В приложении «Мой город» теперь можно узнать, на какую штрафстоянку отвезли эвакуированное авто* (БС); *По вопросам – сюда: (0312) 97-91-95 (доб. 4205)* (СКГ); *Если нужна инфа, звоните на номер 0555888243* (БС);

РСН: *Согласно прогнозам «Яндекс Погоды», дождь закончится в течение часа* (ФН); *Об этом сообщается на сайте НХЛ* (РБК).

Второй, **репортативный**, подтип отмечался в сообщениях с указанием на источники обобщенного или обезличенного характера.

4.7. Ссылки на государственные службы в целом, без уточнения названия или территориальной принадлежности:

КГН: *Отдельные учреждения подтвердили серьезность поломки и то, что ее стараются починить* (СКГ); *Надзорное ведомство полагает, что ряд помещений, переданных в пользование в советский период, были приватизированы* (БС); *Госорганы пока не отчитались о последствиях* (СК);

РСН: *Как отмечают в нацпарке, следующие ожидаемые гости, ранее не встречавшиеся на этой территории – тритоны* (ФН); *Власти Чечни опровергли «чеченский след» в гибели заммэра Ставрополя, ветерана военной операции Заура Гурциева* (РБК); *Таблетки, которые мужчина подбросил рыси и леопарду в клетки в Московском зоопарке, были с экстрактом валерианы, сообщили в полиции* (РИА).

4.8. Отсылки к источнику обобщенного характера:

КГН: *В мэрии говорят, что повторяют за Бишкеком хотят навести порядок и улучшить санитарные условия в городе;*

РСН: *Сообщается о сбитии нового БПЛА, поражены уже три беспилотника* (РИА).

4.9. Ссылки на слова анонимных информантов, имеющих какое-либо отношение к ситуации:

КГН: *Автор видео рассказала, что уступила место женщине, а та начала стричь ногти* (БС); *Как говорит подписчик, на въезде в село две школы: Точка Роста и Билимкана, и частично причина в них* (СКГ); *Россия наступает все быстрее и быстрее, а ВСУ отступают, не в состоянии сдержать русских, заявил британский аналитик* (СК);

РСН: *Врач, пожелавший остаться анонимным, добавил, что и опытный средний медицинский персонал сегодня – на вес золота* (ФН); *По словам пассажира, всё произошло внезапно* (ФН);

Подозреваемый после нападения поджег дом и в результате погиб сам, утверждают следователи (РИА); Житель Сахалина рассказал РИА Новости, что тогда чувствовали и делали спасатели и добровольцы (РИА).

4.10. Ссылки на неуточненные законы и документы:

КГН: *Вроде бы как действует постановление, что детскую коляску мамы должны сложить при входе в автобус (БС); По новому распоряжению это теперь сандень (СКГ); Ряд законов, касающихся госязыка (СК);*

РСН: *Вступило в силу постановление, согласно которому курьерам и самокатчикам нельзя ездить по основным улицам города (ФН); Согласно закону, компании обязаны использовать кондиционеры на рабочих местах (РБК).*

4.11. Ссылки на неуточненные новостные каналы, СМИ, а также на интернет в целом:

КГН: *Как рассказывают знатоки (и интернет), это растение выделяет эфирные масла, которые на солнце превращаются в настоящую химическую ловушку (СКГ); В мессенджерах сообщается, что это ученики школы №96 (БС); Ранее в соцсетях предположили, что трёхбуквенный код сменится с FRU (Frunze – бывшее название Бишкека) на BSH (Bishkek) (СК);*

РСН: *В соцсетях распространяются кадры охваченных огнём зданий (РИА); Новый тренд в соцсетях – генерировать с помощью ИИ азбуку для самых маленьких (ФН); В Сети появились кадры пожара в подмосковном Красногорске (РБК).*

4.13. Ссылки на абстрактный, обезличенный или обобщенный источник:

КГН: *По неподтвержденной информации прилегли все, а виной тому экскаваторщик шлюз, который копнули на Шопокова / Чуй (СКГ); Как сообщили нам источники, в милицию обратился знакомый женщины (БС); Говорят, что девушки – не совсем девушки, а те самые... ну, вы поняли (БС);*

РСН: *По предварительной информации, техника во время пожара не пострадала (ФН); Еврокомиссии рекомендовали проработать альтернативные источники поставок удобрений, включая использование навоза (РБК).*

4.14. Отсылки к общественному мнению, общему знанию или традициям. Были зафиксированы только в КГН: *Поступок женщины в бишкекском автобусе возмутил пользователей соцсетей (БС).*

Интересно также отметить, что для КГН характерной является ситуация, когда новость о каком-либо маловажном событии сопровождается ссылкой на источник высокоавторитетного уровня, несопоставимый по значимости с темой сообщения. Вероятно, это способствует повышению рейтинга канала в глазах читателя: *В мэрии сообщили, что он [нарушитель ПДД] как раз был среди тех, кто переходит как попало (БС); Фотографии опубликовал Садыр Жапаров (действующий президент Кыргызстана) (СК).*

В табл. 5 и 6 приводятся общее число квотативных и репоративных контекстов КГН и РСН и доля таких контекстов от общего количества примеров в отдельном канале и в группе в целом.

Таким образом, сопоставляя соотношение репоративности и квотативности в обеих группах, можно заключить, что в КГН (31%), по сравнению с РСН (15%), употребляется больше отсылок к неавторитетным источникам (обобщенным, обезличенным либо неопределенным), а РСН (85%) чаще используют авторитетные ссылки, чем КГН (69%).

Аналогично были замечены различия между отдельно взятыми каналами. Кыргызстанские СМИ СКГ (67%) и БС (51%) демонстрируют меньшую частотность квотативности и больший процент репоративности (СКГ 33%, БС 49%), по сравнению с каналом СК (квотативность 35%, репоративность 15%). Российские каналы РИА (92%) и РБК (86%) проявляют тенденцию к использованию квотативности и слабо выраженную репоративность (РИА 8%, РБК 14%), в отличие от ФН (квотативность 71%, репоративность 79%).

Интересно отметить также, что кыргызский канал СК (квотативность 85%, репоративность 15%) в общем плане сближается с РСН (квотативность 85%, репоративность 15%), тогда как

российский канал ФН (квотативность 71%, репортативность 29 %) проявляет себя сходным образом с КГН в целом (квотативность 69%, репортативность 31%). Вероятно, полученные результаты также характеризуют степень официальности канала.

Можно сделать заключение, что для обеих групп ведущей является квотативная пересказывательность, однако КГН демонстрируют более выраженную тенденцию к использованию репортативной стратегии, чем РСН.

Таблица 5. Типы пересказывательности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 5. Types of renarrative evidentiality in Kyrgyzstani news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Квотативность	141 (67%)	213 (85%)	104 (51%)	458 (69%)
Репортативность	70 (33%)	37 (15%)	98 (49%)	205 (31%)
Всего	211 (100%)	250 (100%)	202 (100%)	663 (100%)

Таблица 6. Типы пересказывательности в текстах российских СМИ
Table 6. Types of renarrative evidentiality in Russian news

Название канала	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Квотативность	236 (92%)	204 (86%)	107 (71%)	547 (85%)
Репортативность	21 (8%)	32 (14%)	43 (29%)	96 (15%)
Всего	257 (100%)	236 (100%)	150 (100%)	643 (100%)

5. Использование эпистемических маркеров в сочетании с эвиденциальностью среди примеров КГН отмечается чаще (11%), чем у РСН (3%) (табл. 7, 8). В таблицах приводятся общее число контекстов с эпистемическими маркерами и доля таких контекстов от общего числа примеров в соответствующей подгруппе.

Таблица 7. Эпистемические маркеры в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 7. Epistemic markers in Kyrgyzstani news

	Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Отношение говорящего	Прямая эвиденциальность	8 (11%)	2 (2%)	13 (15%)	23 (9%)
	Инференциальность	3 (4%)	0 (0%)	12 (19%)	15 (10%)
	Пересказывательность	11 (5%)	4 (2%)	23 (11%)	38 (6%)
	Всего	22 (6%)	6 (2%)	48 (14%)	76 (7%)
Убедительность	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	2 (2%)	2 (1%)
	Инференциальность	4 (6%)	1 (8%)	18 (28%)	23 (16%)
	Пересказывательность	5 (2%)	0 (0%)	6 (3%)	11 (2%)
	Всего	9 (3%)	1 (0,3%)	26 (7%)	36 (3%)
Всего эпистемических маркеров	Прямая эвиденциальность	8 (11%)	2 (2%)	15 (18%)	25 (10%)
	Инференциальность	7 (10%)	1 (8%)	30 (47%)	38 (26%)
	Пересказывательность	16 (8%)	4 (2%)	29 (14%)	49 (7%)
	Всего	31 (9%)	7 (2%)	74 (21%)	112 (11%)

Таблица 8. Эпистемические маркеры в текстах российских СМИ
Table 8. Epistemic markers in Russian news

	Название канала	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Отношение говорящего	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	14 (11%)	14 (5%)
	Инференциальность	0 (0%)	0 (0%)	8 (10%)	8 (6%)
	Пересказывательность	0 (0%)	2 (1%)	1 (1%)	3 (0,5%)
	Всего	0 (0%)	2 (1%)	23 (7%)	25 (2%)
Убедительность	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Инференциальность	0 (0%)	1 (4,2%)	3 (4%)	3 (4%)
	Пересказывательность	3 (1%)	0 (0%)	0 (0%)	3 (0,5%)
	Всего	3 (1%)	1 (0,3%)	3 (1%)	7 (1%)
Всего эпистемических маркеров	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	14 (11%)	14 (5%)
	Инференциальность	0 (0%)	1 (4%)	11 (14%)	12 (9%)
	Пересказывательность	3 (1%)	2 (1%)	1 (1%)	6 (1%)
	Всего	3 (1%)	3 (1%)	26 (7%)	32 (3%)

Можно отметить, что при всех типах эвиденциальности в КГН (11%) наблюдается более активное использование эпистемических маркеров по сравнению с РСН (3%). Тексты инференциальной направленности чаще других сопровождаются маркерами убедительности и эмоциональной оценки автора (КГН 26%, РСН 9%). На втором месте находятся тексты с прямой эвиденциальностью (КГН 10%, РСН 5%), наименее всего эпистемическая составляющая представлена в сообщениях от третьего лица (КГН 8%, РСН 1%). Отмечается также разница между каналами: в каналах, допускающих подачу материала в сниженном регистре, эпистемических маркеров больше, чем в каналах официального типа (БС 21%, СКГ 9%, ФН 7%). Маркеры отношения говорящего (КГН 7%, РСН 2%) в обеих группах используются чаще, чем маркеры убедительности (КГН 3%, РСН 1%), и употребляются при передаче прямой эвиденциальности, а также инференциальности, тогда как маркеры убедительности в обеих группах имеют тенденцию соотноситься в основном с инференциальностью (табл. 7, 8). Так, с помощью маркеров отношения говорящего выражается оценка ситуации с морально-этической или эмоциональной стороны: *Недомужчина избил свою жену на почве ревности. Милиция нашла 26-летнего жителя Бишкека, но пострадавшая не написала заявления* (БС); *Им будут очень не рады на дорогах с 10 утра до 8 вечера при температуре выше +28°* (СКГ); *Солнце лишилось «союзников» в порче бишкекского асфальта* (СК); *Молния попала в Лахта Центр – самое эпичное видео вечера* (ФН). Маркеры убедительности характеризуют информацию с позиции уверенности (неуверенности) автора в ее достоверности. *По словам очевидцев, грузовик протаранил две легковушки (скорее всего, откатали тормоза)* (БС); *Если всё получится, может, и очередь на границе станет чуть короче. Хотя это не точно* (СКГ); *Предположительно, на Витебской Сортировочной улице, 40 полыхает ангар* (ФН). Таким образом, использование эпистемических маркеров (что в первую очередь присутствует у каналов со сниженной степенью официальности) можно расценивать в качестве отличительной особенности выборки КГН, по сравнению с исследованной группой российских СМИ.

Заключение

Анализ материала демонстрирует употребление всех основных типов эвиденциальности (прямая эвиденциальность, инференциальность и пересказывательность) в текстах русскоязычных СМИ, созданных в условиях русско-кыргызского двуязычия. Сравнительный анализ не выявил существенных различий в составе и частотном распределении типов эвиденциальности относительно текстов, опубликованных в России.

В обеих выборках: и в кыргызстанских, и в российских текстах – основной стратегией выступает пересказывательность, на втором месте располагается прямая эвиденциальность, а наименее частотной оказывается инференциальность. Доля примеров с каждым типом эвиденциальности в обеих группах сопоставима. Сходным также является распределение подтипов прямой эвиденциальности: в обеих группах на первом месте находятся тексты, в которых новость официального характера подается без ссылки на источник, т.е. для выражения значения пересказывательности используются средства прямой эвиденциальности. На втором месте находятся тексты, сопровождаемые видео, в которых прямая эвиденциальность выражается либо имплицитно, либо эксплицитно, с маркированием авторства.

Выдвинутая гипотеза не подтвердилась в рамках исследованной выборки: анализ материала продемонстрировал, что структура кыргызского языка, в котором эвиденциальность выражается грамматически, не оказывает интерференционного влияния на выбор эвиденциальной стратегии при создании новостного текста.

Отмечаются частные различия между группами. Маркирование авторства в КГН обычно производится при помощи снижения регистра, обращения к адресату и апелляции к наблюдению; в РСН это происходит посредством референции к собственному СМИ. В сообщениях инференциального характера автор КГН делает вывод о ситуации самостоятельно, тогда как в РСН инференциальность часто сочетается с пересказывательностью: заключение о ситуации производится на основе данных, полученных от авторитетного источника, либо передается вывод о ситуации, сделанный кем-то другим. Что касается пересказывательности, то для КГН более, чем для РСН, характерна репортативность – передача информации с отсылкой на обобщенный, обезличенный либо неизвестный источник, тогда как в РСН шире спектр авторитетных источников, на которые ссылается автор. Для КГН более типично использование эпистемических маркеров убедительности и субъективного отношения говорящего к ситуации.

Таким образом, выдвинутая гипотеза не находит статистически значимого подтверждения в рамках исследованной выборки: анализ материала продемонстрировал, что предпочтительные эвиденциальные стратегии совпадают в русскоязычных текстах, созданных в молингвальных и в билингвальных русско-кыргызских условиях, несмотря на структурно различное выражение эвиденциальности в русском и кыргызском языках. Качественные различия (в способах маркировки авторства, в сочетании инференциальности с эпистемическими маркерами или пересказывательностью, в выборе типов источников) в большей степени соотносятся не с языковой ситуацией в регионе, а с функционально-стилистическими параметрами конкретного СМИ (степень официальности, ориентация на локальную или федеральную аудиторию, жанровая специфика канала). Это свидетельствует о том, что при порождении профессионального медиатекста на русском языке дискурсивные нормы новостного жанра играют ведущую роль и преобладают над типологическими особенностями второго языка, функционирующего в регионе. Сходное распределение типов эвиденциальности, в том числе преобладание пересказывательности как базовой стратегии, демонстрирует универсальное для русскоязычного медиадискурса следование жанровым конвенциям, которые обеспечивают текстам необходимые в данной сфере коммуникации авторитетность и убедительность.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга жанров медиаречи и углубленным анализом прагматических функций эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов. Предполагается обратить внимание на устные жанры СМИ, а также привлечь для анализа медиатексты на русском языке, порожденные носителями таких тюркских языков, как казахский, узбекский, туркменский. Кроме того, перспективным представляется анализ эвиденциальных стратегий в спонтанной речи носителей тюркских языков, владеющих русским языком как иностранным или неродным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Aikhenvald A.Y.** Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
2. **Постникова А.Е.** Грамматикализация и тип эвиденциальной системы // Типология морфо-синтаксических параметров. 2020. Т. 3, №. 2. С. 147–165.
3. **Козинцева Н.А.** Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
4. **Wiemer V.** Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study) // Studies in Polish Linguistics. 2006. No. 3. P. 5–67.
5. **Храковский В.С.** Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–631.
6. **Астахова Т.Н.** Проявление категорий «Эвиденциальность» и «Авторитетность» в текстах немецких СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 71–75.
7. **Попович Л.** Лексические и грамматические показатели эвиденциальности в сербском и других славянских языках // The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology. Slavic Eurasian Studies. No. 28. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2015. P. 219–250.
8. **Плунгян В.А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
9. **Козловский Д.В.** Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2 (81). С. 333–337.
10. **Ницолова Р.** Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 27–45.
11. **Влахова-Руйкова Р.** Практическа граматика. Български език. Наклонение на глагола. // Университет Свети Климент Охридски. URL: <https://www.slav.uni-sofia.bg/grammar/morf31.html> (дата обращения 03.07.2025).
12. **Кобрина О.А.** Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 86–98.
13. **Keinänen S.** A metalinguistic analysis of the terminology of evidential categories: experiential, conjecture or deduced? // Folia Linguistica. 2021. Vol. 55, No. 2. P. 547–587. DOI: 10.1515/flin-2021-2030
14. **Ферхеес С.** Определение категории эвиденциальности // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 113–133. DOI: 10.31857/S0373658X0007549-2
15. **Marín-Arrese J.I., Carretero M., Usoniené A.** Evidentiality in English // Evidential Marking in European Languages: Toward a Unitary Comparative Account. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2022. P. 57–94. DOI: 10.1515/9783110726077-002
16. **Каксин А.Д., Чертыкова М.Д.** К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22
17. **Azpiazu S.** Evidentiality, epistemic modality and temporality in the Spanish verbal system // Tense, aspect and discourse structure. Berlin: De Gruyter, 2024. P. 123–149. DOI: 10.1515/97831114-53897-005
18. **Murray S.E.** Evidentiality, Modality, and Speech Acts // Annual Review of Linguistics. 2021. Vol. 7. P. 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625
19. **Leclercq P., Mélac E.** Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task // Language, Interaction and Acquisition. 2021. Vol. 12, Iss. 2. P. 251–283. DOI: 10.1075/lia.20025.lec
20. **Saratsli D., Papafragou A.** Pragmatic effects on semantic learnability: Insights from evidentiality // Journal of Memory and Language. 2023. Vol. 131. Art. no. 104426. DOI: 10.1016/j.jml.2023.104426
21. **Zhang D.** The Functions of Evidentiality in English News Corpus from the Perspective of Transitivity based on the Data Mining // 2020 International Conference on Modern Education

and Information Management (ICMEIM). Dalian: IEEE, 2020. P. 366–369. DOI: 10.1109/ICMEIM51375.2020.00090

22. **Басовец И.М.** Субъектная референция в реализации категории эвиденциальности в англо- и белорусскоязычных медиатекстах // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14, № 4. С. 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401

23. **Coddington M., Molyneux L.** Making Sources Visible: Representation of Evidence in News Texts, 2007–2019 // *Journalism Practice*. 2021. Vol. 17, Iss. 4. P. 664–682. DOI: 10.1080/17512786.2021.1949629

24. **Postevaya E.** Evidentiality and epistemic modality in the text of mass media reportage // *Man, Society, Communication. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. Vol. 108. P. 284–291. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.34

25. **Сивенкова Н.В.** Категория эвиденциальности в языке СМИ (на примере болгарских, английских и русских текстов из новостных источников) // *Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике*. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 338–342.

26. **Страхова В.С.** Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 6 (745). С. 165–174.

27. **Козловский Д.В.** Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 1. С. 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104

28. **Пермякова Т.Н.** Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах // *Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования*. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. С. 186–189.

29. **Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E.** Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*. 2021. Vol. 22, Iss. 5. P. 1190–1206. DOI: 10.1177/1464884920985724

30. **Zhang H.** Evidentiality in American media's coverage of China-related epidemics from the perspective of critical discourse analysis // *Journal of Contemporary Language Research*. 2023. Vol. 2, Iss. 4. P. 181–191. DOI: 10.58803/jclr.v2i4.83

31. **Падучева Е.В.** Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

32. **Каксин А.Д.** Средства выражения эвиденциальности и митаривности в контексте дискурсивного исследования // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 1. С. 252–259.

33. **Макарец М.М.** Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 444 с.

34. **Орузбаева Б.О.** Киргизский язык // *Языки мира: Тюркские языки* / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Индрик, 1997. С. 286–297.

35. **Дербешева З.К.** Особенности билингвизма в Кыргызстане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13, № 1. С. 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

36. **Сартбекова Н.К., Абакулов Р.А.** К вопросу о билингвизме в Кыргызстане // *Наука и инновационные технологии*. 2023. № 2 (27). С. 232–239. DOI: 10.33942/sit042327

37. **Резанова З.И., Дыбо А.В.** Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // *Русин*. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62/8

REFERENCES

- [1] **Aikhenvald A.Y.**, Evidentiality, Oxford University Press, Oxford, 2004.
- [2] **Postnikova A.E.**, Grammaticalization and the typology of evidential systems, *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 3 (2) (2020), 147–165.
- [3] **Kozintseva N.A.**, Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti [Typology of the category of evidentiality], *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii. Sbornik statey pamyati N.A. Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. A collection of articles in memory of N.A. Kozintseva], ed. by V.S. Khrakovskiy, Nauka, St. Petersburg, 2007, pp. 13–36.

- [4] **Wiemer B.**, Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study), *Studies in Polish Linguistics*, 3 (2006) 5–67.
- [5] **Khrakovskiy V.S.**, Evidentsialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost [Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity], *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii. Sbornik statey pamyati N.A. Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. A collection of articles in memory of N.A. Kozintseva], ed. by V.S. Khrakovskiy, Nauka, St. Petersburg, 2007, pp. 600–631.
- [6] **Astakhova T.N.**, Manifestations of evidentiality and authority in German mass media texts, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 1 (2014) 71–75.
- [7] **Popović L.**, Lexical and grammatical evidentiality markers in Serbian and other Slavic languages, *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology. Slavic Eurasian Studies 28. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo*, 2015, pp. 219–250.
- [8] **Plungian V.A.**, Introduction to grammar semantics: Grammar meaning and grammar systems in the languages of the world, RSUH, Moscow, 2011.
- [9] **Kozlovskii D.V.**, Classifying the types of evidentiality according to the subject of communication in the space of modern artistic discourse, *Philology. Theory & Practice*, 3-2 (81) (2018) 333–337.
- [10] **Nitsolova R.**, Interaction of evidentiality and admirativity with categories of verbal tense and person in Bulgarian, *Voprosy Jazykoznanija (“Topics in the Study of Language”)*, 4 (2006) 27–45.
- [11] **Vlakhova-Ruikova P.**, Practical grammar. Bulgarian language, University “St. Kliment Ohridski”. Available at: <https://www.slav.uni-sofia.bg/grammar/morf31.html> (accessed 03.07.2025).
- [12] **Kobrina O.A.**, Category of Evidentiality: its status and forms of expression, *Issues of Cognitive Linguistics (Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki in Russian)*, 1 (2005) 86–98.
- [13] **Keinänen S.**, A metalinguistic analysis of the terminology of evidential categories: experiential, conjecture or deduced?, *Folia Linguistica*, 55 (2) (2021) 547–587. DOI: 10.1515/flin-2021-2030
- [14] **Verhees S.**, Defining evidentiality, *Voprosy Jazykoznanija (“Topics in the Study of Language”)*, 6 (2019) 113–133. DOI: 10.31857/S0373658X0007549-2
- [15] **Marín-Arrese J.I., Carretero M., Usonienè A.**, Evidentiality in English, *Evidential Marking in European Languages: Toward a Unitary Comparative Account*, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2022, pp. 57–94. DOI: 10.1515/9783110726077-002
- [16] **Kaksin A.D., Chertykova M.D.**, On expressing evidential meanings: inference, citation and mirative in the Russian language, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 2 (2019) 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22
- [17] **Azpiazu S.**, Evidentiality, epistemic modality and temporality in the Spanish verbal system, Tense, aspect and discourse structure, *De Gruyter*, Berlin, 2024, pp. 123–149. DOI: 10.1515/9783111453897-005
- [18] **Murray S.E.**, Evidentiality, Modality, and Speech Acts, *Annual Review of Linguistics*, 7 (2021) 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625
- [19] **Leclercq P., Mélaç E.**, Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task, *Language, Interaction and Acquisition*, 12 (2) (2021) 251–283. DOI: 10.1075/lia.20025.lec
- [20] **Saratsli D., Papafragou A.**, Pragmatic effects on semantic learnability: Insights from evidentiality, *Journal of Memory and Language*, 131 (2023) 104426. DOI: 10.1016/j.jml.2023.104426
- [21] **Zhang D.**, The Functions of Evidentiality in English News Corpus from the Perspective of Transitivity based on the Data Mining, *2020 International Conference on Modern Education and Information Management (ICMEIM)*, IEEE, Dalian, 2020, pp. 366–369. DOI: 10.1109/ICMEIM-51375.2020.00090
- [22] **Basovets I.M.**, Subject reference expressing evidentiality in English and Belarusian media texts, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401
- [23] **Coddington M., Molyneux L.**, Making Sources Visible: Representation of Evidence in News Texts, 2007–2019, *Journalism Practice*, 17 (4) (2021) 664–682. DOI: 10.1080/17512786.2021.1949629
- [24] **Postevaya E.**, Evidentiality and epistemic modality in the text of mass media reportage, *Man, Society, Communication. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 108 (2020) 284–291. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.34

[25] **Sivenkova N.V.**, The category of evidentiality in the mass media language – evidence from Bulgarian, English and Russian news sources, *Magiya INNO: novyye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike* [Magia INNO: new dimensions in linguistics and linguodidactics], vol. 1, MGIMO-University, Moscow, 2017, pp. 338–342.

[26] **Strakhova V.S.**, Evidential markers in the language of mass media, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities* 6 (745) (2016) 165–174.

[27] **Kozlovsky D.V.**, The category of “evidentiality” as a means of transmitting fake information in the English-language media discourse, *Terra Linguistica*, 15 (1) (2024) 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104

[28] **Permiakova T.N.**, *Reprezentatsiia kategorii evidentsial'nosti v sovremennykh mediatekstakh* [Representation of the category of evidentiality in modern mass media texts], *Vektory razvitiia rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniia* [Vectors of development of Russian language studies and language teaching in the context of modern philological education], Astrakhan State University, Astrakhan, 2022, pp. 186–189.

[29] **Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E.**, Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism, *Journalism*, 22 (5) (2021) 1190–1206. DOI: 10.1177/1464884920985724

[30] **Zhang H.**, Evidentiality in American media’s coverage of China-related epidemics from the perspective of critical discourse analysis, *Journal of Contemporary Language Research*, 2 (4) (2023) 181–191. DOI: 10.58803/jclr.v2i4.83

[31] **Paducheva Ye.V.**, Is there grammatically expressed evidentiality in Russian?, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (26) (2013) 9–29.

[32] **Kaksin A.D.**, Means of expressing an evidentiality and mirative in a context of a discourse research, *Communication Studies*, 1 (2014) 252–259.

[33] **Makartsev M.M.**, *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality within the Balkan text space], Nestor-Istoria, Moscow, St. Petersburg, 2014.

[34] **Oruzbaeva B.O.**, *Kirgizskii iazyk* [Kyrgyz language], *Iazyki mira: Tiurkskie iazyki* [Languages of the world: Turkic languages], ed.-in-chief E.R. Tenishev, Indrik, Moscow, 1997, pp. 286–297.

[35] **Derbisheva Z.K.**, Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (1) (2022) 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

[36] **Sartbekova N.K., Abakulov R.A.**, To the issue of bilinguism in Kyrgyzstan, *Science and Innovative Technologies*, 2 (27) (2023) 232–239. DOI: 10.33942/sit042327

[37] **Rezanova Z.I., Dybo A.V.**, Deviations from the speech standard in the regional version of oral Russian speech: Intralingual and interlingual interactions, *Rusin*, 62 (2020) 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62/8

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Краснощекова Софья Викторовна

Sofia V. Krasnoshchekova

E-mail: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Галкина Елена Владимировна

Elena V. Galkina

E-mail: dinomama@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Поступила: 18.07.2025; Одобрена: 17.09.2025; Принята: 29.01.2026.

Submitted: 18.07.2025; Approved: 17.09.2025; Accepted: 29.01.2026.